

Да, конечно, в разные времена счастье и радость имеют свои особенности, и определяются, и переживаются по-своему. Я это говорю к тому, что нередко, слушая рассказ спецпереселенцев, трудармейцев, думаю: «Боже мой, бедные, несчастные люди. Что довелось вам пережить!». А в ответ слышу: «Нет! Я себя несчастным не считаю. Одно то, что сумел выжить в том кошмаре, — это уже огромное счастье». И действительно, с чем можно сравнить ту огромную радость, которую испытывают два любящих человека, вынужденных по чьей-то злой воле многие годы жить в разлуке, Вдруг получивших возможность жить вместе, растить детей, на двоих делить свою судьбу. А судьбы у этих людей ой какие сложные. В них и трагедия, и горечь, и боль, но и любовь, и радость, и счастье. И на фоне общей трагедии, общей судьбы спецпереселенцев у каждого из них своя судьба, своя длинная и трудная жизненная дорога.

Сегодня я веду беседу с

Агриппиной Филипповной Саратовкиной, высланной в Казахстан в 31 году, ныне проживающей в с. Колхозном 80 лет. Она отлично помнит жизнь и до переселения и после него. Прожитые годы дают о себе знать. Глубокие морщины изобразили некогда красивое женское лицо. Но оно не утратило от этого своей доброты, и ласковые глаза лишь подчеркивают щедрость и мягкость ее характера. В беседе я называю ее просто бабушкой, с полного согласия Агриппины Филипповны. Рассказывая о своей жизни, женщина не может сдерживать слез: горькие воспоминания растревожили душу, разворошили утихшую было обиду. И все же, борясь со слезами, Агриппина Филипповна вспоминает.

— Жили мы в Саратовской области, в селе Черный затон. Жили, как и большинство

сельчан. Занимались земледелием. Было у нас две лошади, корова, ну и птица домашняя, само собой разумеется. Нас у родителей было шестеро детей. Я самая младшая. Вся работа была направлена на то, чтобы вырастить хлеб да заготовить корм на зиму скоту. Начинаясь она ранней весной. С посева и до полной уборки урожая все мы работали в поле. Жали Пшеницу серпами, вязали снопы, молотили

— все делали сами, своей семьей.

Помню, поле наше далеко от села было, но туда и обратно мы ходили пешком. Отец лошадей жалел. «Им, — говорил, — в поле работы хватает».

Вот когда все необходимое на зиму заготовки сделаем, тогда и отдыхали. Зимой за скотом смотрели, да и в избе, у печи вся работа вертелась. Тут уж было время и на посиделки сбегать, и с компанией своей погулять, пошалить. Весело жили, не скучали.

А как исполнилось мне 18 лет, я вышла замуж за хорошего парня Василия, сына вдовы Саратовкиной. Дружно мы с ним жили, ладно. Первенец родился. А как исполнилось ему 9 месяцев нас и выслали. . .

— Вы, говорите, мать Василия была вдовой?

— Да, вдова была.

— И что, настолько богата была, что попала в кулаки?

— Ой, да какое богатство могло быть у вдовы? Нет, бедновато, прямо сказать, жили. У нее, кроме Василия, еще дочь была. Какое уж там богатство? . . .

— За что же тогда ее выслали? Я что-то в толк не могу взять.

— Многое из того, что с нами творили, нельзя в толк взять. Да вот так, ни за что и выслали.

— Но почему же, бабуш-

ка? И что, никто не вступился за вас?

— Боже Упаси! Кто вступится-то? Каждый за себя боялся. А выслали, видимо, потому, что план у них был. Пришла директива: вот столько семей из села выслали. Кто-то ткнул пальцем в Саратовкиных. Вот и все.

— И кто же выселял вас? Сельские или, может, свхше представители осуществляли это беззаконие.

— Нет, свои. Свои же сельчане, с кем рядом всю жизнь прожили, вместе на улице гуляли. И жестокости их до сих пор поражаю. Все отняли у нас. Даже пеленки, какими ребенка заворачивали, и те норовинки забрать. А в то время жила у нас на квартире славная такая девушка. Бухгалтером в селе была. Так она уже не выдержала и говорит: «Что ж вы последние пеленки с ребенка сдираете? Так возьмите! его и выкиньте нагишом. Люди вы или кто?».

Ой, какая злоба у людей была. А за что, спрашивается? Вот так загрузили нас на подводу и вывезли со двора. В конце-концов очутились мы здесь, в голой казахской степи. И стали окапываться. Да, в прямом смысле слова зарываться в землю, чтобы хоть как-то спастись от холода. Сыночек наш тут же и умер сразу. Не вынес мук адских. А мы, слава богу, выжили. А я вот и по сей день живу. Самой живучей оказа-

лась. — И чем вы занимались здесь?

— Муж мой Василий Алексеевич при лошадях работал — ездовым был, И я с самого начала и по 67-й год проработала на колхозном огороде. Работали мы! много и тяжело. Весь труд ручной был, с зари до зари в поле. Особенно тяжело в войну было. У нас к толку времени уж четверо ребятишек было. В 42-м году ушел Василий на войну, да так и сгинул там. С тех пор и жили мы с детьми одни. Конечно, тяжело приходилось, но дети у меня очень славные, в них вся моя радость и счастье. Александр живет в Шахане, работает инженером на шахте. Валентина в Москве, преподаватель в школе, А живу я с Геннадием! Сноха у меня очень хорошая, добрая женщина. Мы с ней живем душа в душу. И вот, ведь как в жизни бывает: когда Геннадий служил в армии, Эльза

жила у меня на квартире. Еще с тех времен полюбились мне она. А приехала она в наше село учительницей в школу. [По распределению, значит. Так хорошо и спокойно нам с ней жилось. А когда пришло время сыну домой возвращаться, была я вынуждена предложить Эльзе уйти: «Подыщи, дочка, другую квартиру. А то сын придет, а злые языки еще не перевелись на свете. Ты меня понимаешь».

Ушла Эльза на другую квартиру и все же, к великой моей радости, стала мне снохой. Не могу нарадоваться на нее да на внуков. Старость моя в мире и заботе обо мне протекает. А дом этот мы с детьми построили в 62-м году. И еще хочу сказать, что большую помощь мне, как матери и женщине, потерявшей на войне мужа, оказывала наша местная власть. Все у нас есть: и сыты, и одеты. Машину купили. Хозяйство держим, огород. Конечно, все хлопоты по дому и подворью теперь на плечах детей. Я стара и уже бессильна оказывать им какую-то весомую помощь. Умереть бы лора, да вот Бог все не берет к себе. . .

Последние слова Агриппины Филипповны произнесла с легкой улыбкой и заторопилась:

— Однако заговорилась я с тобой. А ведь мне в магазин надо. С хлебом-то последнее время, сама знаешь, что-то перебои стали. Опоздаю купить — вся семья без хлеба останется. Пойдем, дочка. Дорогой договорим. . .